

Анна Роса

Архитектура ЧУВСТВ

Анна Роса

Архитектура чувств

<https://litres.ru/73990499>

SelfPub; 2026

Аннотация

Лиза Громова – амбициозный архитектор, для которой работа всегда была единственной крепостью. Но когда тендер всей её жизни выигрывает фирма Макса Крылова – циничного бизнесмена и человека, с которым у неё был провальный «one-night stand» год назад, – её стены начинают рушиться.

Заказчик-миллиардер, старик со странностями, ставит невыполнимое условие: чтобы получить контракт, Лиза и Макс должны месяц прожить в изолированном стеклянном доме, работая над общим проектом. В этом доме невозможно спрятаться, а прозрачные стены обнажают не только чертежи, но и старые раны.

Каждый день превращается в битву амбиций и подавленного желания. Смогут ли они объединить «Орион» и «Монолит», не разрушив при этом друг друга? И что делать, если тот самый резонанс, которого они так боятся, – единственный способ удержать здание и свои сердца от падения?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	23
Глава 4	32
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Анна Роса

Архитектура чувств

Глава 1

Кофе в бумажном стаканчике давно остыл, покрывшись тонкой пленкой, но Лиза этого не замечала. В её студии – небольшом лофте на территории бывшего завода – время замерло где-то между тремя часами ночи и бесконечностью. Она не отрывала взгляда от макета, который занимал почти весь рабочий стол. Это был не просто жилой комплекс. Это была её попытка доказать, что бетон может дышать, а стекло – дарить тепло, а не холод.

Её проект назывался «Орион». Три башни, соединенные парящими садами на высоте тридцатого этажа. Лиза знала каждый изгиб этих зданий. Она знала, как утреннее солнце будет играть на матовых панелях фасада, и как дождевая вода будет стекать по специальным желобам, превращаясь в декоративные водопады во внутреннем дворе. Для неё архитектура никогда не была просто строительством. Это была застывшая музыка, социальный инжиниринг, способ изменить то, как люди чувствуют себя, возвращаясь домой после тяжелого дня.

– Еще пару штрихов с углом падения тени от консоли, и

всё, – прошептала она, не замечая, как её собственный голос хрипло дребезжит в тишине комнаты.

Она потянулась к графическому планшету. Пальцы, испачканные в грифеле и клее – она всё еще любила делать бумажные макеты вручную, прежде чем переносить их в цифру – подрагивали. Это была приятная усталость, пограничное состояние, когда мозг работает на сверхвысоких оборотах, игнорируя сигналы тела о помощи.

Лиза выросла в провинциальном городке, где самой высокой достопримечательностью была облупившаяся водонапорная башня. Наверное, именно тогда, глядя на серость типовых пятиэтажек, она поклялась себе, что будет создавать нечто иное. Что её города будут похожи на сны, а не на исправительные колонии. Она закончила университет с отличием, перебивалась случайными заказами на перепланировку квартир, экономила на еде, чтобы купить лицензионный софт, и вот теперь – она здесь. В шаге от тендера, который проводит Аркадий Золотарев.

Золотарев был легендой. И безумцем. Он мог отклонить проект стоимостью в миллиард только потому, что ему не понравился шрифт в пояснительной записке. Но если он загорался идеей, он давал архитектору полную свободу. А свобода для Лизы была дороже любых гонораров.

Она подошла к окну и прижала лоб к холодному стеклу. За окном просыпалась Москва. Первые троллейбусы, похожие на неповоротливых жуков, выползали из парков. Город

заглатывал в себя порции утреннего тумана, готовясь к очередному дню безумной гонки.

Сегодня всё решится.

Лиза почувствовала, как в груди снова заворочался тот самый холодный ком. Он появлялся каждый раз, когда она позволяла себе на мгновение отвлечься от чертежей. Это был не только страх провала. Это был страх встречи с прошлым, которое она так тщательно замуровала под фундаментом своей карьеры.

Прошел ровно год. Триста шестьдесят пять дней, два часа и, кажется, несколько минут. Лиза старалась не вести этот подсчет, но цифры всплывали в голове сами собой, как ошибки в коде. Та ночь на архитектурном форуме в Сочи была ошибкой. Большой, красивой, разрушительной ошибкой.

Она помнила, как всё началось. Душный зал отеля, бесконечные разговоры о BIM-технологиях и устойчивом развитии, от которых к вечеру начинала болеть голова. Она вышла на террасу, чтобы глотнуть воздуха, и столкнулась с ним.

Лиза не знала его имени в первую минуту, но знала его тип. Самоуверенный, одетый в костюм, который стоил больше, чем её студия за два года, с улыбкой человека, который привык, что мир вращается вокруг его оси. Он не стал обсуждать с ней наклон крыш. Он предложил ей самый крепкий коктейль в баре и спросил, верит ли она, что форма важнее содержания.

Они спорили два часа. О Ле Корбюзье, о деконструктивизме, о том, почему современные города убивают в людях тягу к прекрасному. Это был интеллектуальный флирт, более интимный, чем любое прикосновение. А потом... потом был номер на верхнем этаже, запах дорогого мужского парфюма – сандал и немного цитруса – и ощущение, что она впервые за много лет просто живет, а не проектирует жизнь.

Она ушла до рассвета. Просто оделась, подобрала шпильки и выскользнула за дверь, пока он спал, разметавшись на огромной кровати. Лиза испугалась. Испугалась того, как легко этот человек, чье имя она узнала только из программы форума на следующее утро – Максим Крылов – заставил её забыть о своих принципах. Она не была девушкой на одну ночь. Она была Лизой Громовой, серьезным профессионалом.

И вот теперь Максим Крылов был её главным конкурентом. Его фирма, «Крылов Групп», была фаворитом гонки. Макс строил быстро, дорого и агрессивно. Его здания были как он сам – эффектные снаружи, но, как казалось Лизе, абсолютно пустые внутри.

– Громова, соберись, – приказала она себе, отходя от окна. – Ты здесь ради «Ориона». Не ради него.

Она вернулась к столу. На экране монитора светилась финальная визуализация. Лиза еще раз проверила расчеты инсоляции. В её проекте каждый житель комплекса получал максимум естественного света. Она продумала систему вер-

тикальных ферм, где люди могли бы выращивать зелень прямо на своих балконах. Это был проект о будущем, в котором человеку есть место среди технологий.

Она начала упаковывать планшеты. Каждое движение было выверенным, почти ритуальным. Лиза верила, что если она проявит достаточно уважения к своей работе сейчас, то и судьба проявит уважение к ней на презентации.

Около шести утра зазвонил телефон. На экране высветилось имя «Марина» – её лучшая подруга и по совместительству единственный человек, который знал правду о той ночи в Сочи.

– Ты не спишь, я знаю, – вместо приветствия сказала Марина. Голос у неё был бодрым, что в такой час казалось Лизе форменным издевательством.

– Я заканчивала визуализацию. Почти всё готово.

– Лизон, послушай меня. Ты лучшая. Твой проект – это искусство. А Крылов... ну, он просто строит памятники своему эго. Не дай ему сбить тебя с толку. Даже если он будет смотреть на тебя так, будто хочет съесть прямо в зале заседаний.

– Он меня не съест, Марин. У него будет слишком много дел с комиссией.

– Просто помни: ты не та девчонка с форума. Ты архитектор, который сейчас заберет самый крупный контракт года. Поняла?

– Поняла. Спасибо.

Положив трубку, Лиза почувствовала, как уверенность медленно возвращается. Она пошла в душ. Горячая вода смывала остатки ночного напряжения, но мысли продолжали крутиться вокруг предстоящей встречи. Она представляла, как войдет в зал, как разложит свои чертежи. Как столкнется взглядом с Максом.

Что он сделает? Усмехнется? Сделает вид, что не узнал? Или, что еще хуже, решит использовать их общее прошлое против неё?

После душа она тщательно выбрала одежду. Это была её рабочая униформа для особых случаев: темно-синий брючный костюм, идеально скроенный, белая шелковая блузка и туфли на устойчивом каблуке. Она хотела выглядеть безупречно, но не вызывающе. Профессионально, но с долей той мягкой силы, которой так не хватало бетонным коробкам Крылова.

Макияж – минимальный. Тон, немного туши, чтобы подчеркнуть серо-голубые глаза, и матовая помада винного оттенка. Она посмотрела на себя в зеркало. Из него на неё глядела женщина, которая знала, чего хочет. По крайней мере, она очень старалась в это верить.

Лиза сложила макет в специальный кофр. Он был тяжелым, но она отказалась от помощи курьера. Этот проект она должна была донести сама, от первого кирпичика до последнего слова презентации.

Такси приехало через пять минут. Дороги были свобод-

ными, Москва еще не успела захлебнуться в пробках. Лиза сидела на заднем сиденье, прижимая к себе кофр с макетом, и смотрела, как мимо проносятся сталинские высотки и современные офисные центры. Она любила этот город, несмотря на его жестокость. И она хотела сделать его лучше.

Когда машина затормозила у входа в «Золотарев-Плаза» – сверкающий небоскреб из стекла и титана – Лиза глубоко вздохнула. Вход в здание охраняли двое охранников в черных костюмах, выглядевших как герои боевиков. Возле ступенек стоял черный «Майбах» с работающим двигателем.

Сердце Лизы пропустило удар. Она знала эту машину. Она видела её в бизнес-хрониках рядом с заголовками о новых победах «Крылов Групп».

Дверь «Майбаха» открылась, и из неё вышел он.

Макс выглядел так, словно только что сошел с обложки журнала Forbes. Тёмно-серый костюм, белоснежная рубашка без галстука, верхняя пуговица расстегнута – этот жест всегда выдавал его пренебрежение к формальностям, даже в логове у Золотарева. Он остановился у входа, достал телефон и начал что-то быстро печатать, нахмутив густые брови.

Лиза вышла из такси, стараясь, чтобы её движения были плавными и уверенными. Ветер подхватил прядь её волос, выбившуюся из пучка, и она поспешно заправила её за ухо. Кофр с макетом казался сейчас невероятно тяжелым, но она не подала вида.

Макс поднял голову. Их взгляды встретились.

Мир вокруг словно потерял звук. Шум города, гул машин, крики чаек над рекой – всё исчезло. Остались только его серые глаза, в которых на долю секунды вспыхнуло узнавание, смешанное с чем-то острым, почти болезненным. Но через мгновение маска вернулась на место. Его лицо снова стало непроницаемым, холодным и слегка скучающим.

Он не улыбнулся. Не кивнул. Он просто посмотрел на неё так, словно оценивал потенциальную угрозу своему бизнесу, а не женщину, с которой делил постель год назад.

– Доброе утро, Елизавета Дмитриевна, – произнес он низким, бархатистым голосом, от которого у неё по спине пробежали мурашки. – Надеюсь, ваш проект так же хорош, как ваше умение исчезать по-английски.

Лиза почувствовала, как щеки обдало жаром, но она не отвела взгляда. Она выпрямила спину и крепче сжала ручку кофра.

– Доброе утро, Максим Александрович. Мой проект гораздо лучше. Умение исчезать – это лишь бонус к таланту не тратить время впустую.

Он слегка приподнял бровь, и в углу его рта дернулась едва заметная усмешка.

– Что ж, посмотрим. Аркадий Петрович не любит пустых слов. Пройдемте? Он очень не любит ждать.

Макс сделал приглашающий жест рукой, пропуская её вперед. Лиза прошла мимо него, чувствуя знакомый аромат сандала. Сердце колотилось в ребра, как пойманная птица,

но она шла твердо.

Впереди был лифт, который должен был поднять их на со-роковой этаж, в святая святых империи Золотарева. И Лиза знала: то, что произойдет там, изменит всё. Она была готова сражаться за свою мечту, даже если её главным противником окажется человек, которого она так и не смогла окончательно забыть.

Планы, расчеты, амбиции – всё это было поставлено на карту. Но заходя в зеркальную кабину лифта вместе с Максом, Лиза вдруг поняла, что самым сложным в этом проекте будет вовсе не архитектура. Самым сложным будет не позволить собственному сердцу разрушить профессиональную броню, которую она так долго ковала.

Двери лифта закрылись с мягким шелестом, отрезая их от остального мира. Впереди был месяц, который либо вознесет её на вершину, либо окончательно разобьет всё, во что она верила.

Глава 2

Зал заседаний на сороковом этаже «Золотарев-Плаза» напоминал капитанский мостик межгалактического крейсера. Панорамные окна от пола до потолка стирали границу между помещением и небом, заставляя каждого входящего почувствовать себя либо властелином мира, либо крошечной песчинкой, затерянной в стальных джунглях. Лиза выбрала первый вариант. Она не имела права на второй.

В центре длинного стола из полированного обсидиана восседал сам Аркадий Золотарев. Он выглядел именно так, как описывали в светской хронике: в ярко-оранжевом кашемировом пуловере поверх шелковой рубашки, с массивным перстнем в виде жука-скарабея на указательном пальце. Его глаза, скрытые за стеклами очков в тяжелой оправе, пристально изучали Лизу.

– Ну что же, Елизавета Дмитриевна, – произнес он, слегка барабаня пальцами по столу. – Ваше время. Удивите старика.

Лиза сделала глубокий вдох. Она чувствовала, как внутри нее включается особый режим – холодный, расчетливый и вдохновенный одновременно. Она подошла к проектору. Свет в зале приглушили, и на стене ожил «Орион».

– Архитектура сегодня перестала быть искусством возведения стен, – начала она, и ее голос, на удивление, звучал

твердо. – Это искусство управления светом и пространством. Мой проект – это попытка вернуть человека в центр города, не лишая его достижений цивилизации.

Она говорила о парящих садах, о системе сбора дождевой воды, о том, как умное стекло будет менять прозрачность в зависимости от времени суток. Она видела, как члены комиссии подались вперед. Даже Золотарев перестал барабанить пальцами и замер, вглядываясь в изящные линии башен.

Лиза чувствовала себя на вершине. Каждое слово ложилось точно в цель, каждый слайд вызывал одобрительный шепот. Она была уверена: это победа. Она видела это в глазах экспертов, слышала в тишине зала, которая была наполнена не скукой, а искренним интересом.

Но в этот момент дверь зала открылась. Без стука, без предупреждения.

В комнату вошел Максим Крылов.

Он не просто вошел – он захватил пространство. Его присутствие ощущалось как резкое изменение атмосферы, словно в комнате внезапно выкачали кислород. Макс невозмутимо прошел к свободному креслу в конце стола, бросил на него свой кожаный портфель и, не извиняясь за опоздание, посмотрел прямо на Лизу.

– Продолжайте, Елизавета, – бросил он, и в его голосе слышалась едва уловимая насмешка. – Не обращайтесь на меня внимания.

Легко сказать. Все внимание комиссии тут же переключилось на него. Его аура успеха, его безупречный вид и эта вызывающая уверенность действовали на окружающих магически.

Лиза попыталась вернуться к презентации, но внутри нее что-то надломилось. Присутствие Макса действовало на нее как мощный магнит, сбивающий настройки компаса. В голове против воли вспыхнули обрывки той самой ночи, которые она так старательно прятала за чертежами.

Сочи. Запах моря и магнолий. Темный коридор отеля. Его рука, горячая и властная, на ее талии. Он прижимает ее к стене, и она чувствует, как бешено колотится его сердце – или это ее собственное? Шепот у самого уха: «Ты же знаешь, что мы не будем обсуждать архитектуру до утра». Его губы, вкус виски и мяты. Нетерпеливые пальцы, расстегивающие пуговицы на ее платье. Темнота номера, залитая лунным светом, и ощущение полной, абсолютной потери контроля. Она никогда не была такой уязвимой. Она никогда не была такой живой.

– Елизавета Дмитриевна? – Голос Золотарева вырвал ее из омута памяти. – Вы остановились на энергоэффективности фасадов.

Лиза моргнула, чувствуя, как предательский жар заливает шею. Она бросила быстрый взгляд на Макса. Он сидел, откинувшись на спинку кресла, и крутил в руках дорогую ручку. Его взгляд был прикован к ней, и в нем читалось явное тор-

жество. Он видел ее замешательство. Он наслаждался им.

– Да... простите, – она с трудом сглотнула ком в горле. – Фасады используют фотоэлектрические панели нового поколения...

Она закончила презентацию на автопилоте. Слова казались ей теперь плоскими и невыразительными. Когда она села на свое место, ее руки дрожали так сильно, что пришлось сцепить их под столом.

– Благодарю, – сухо кивнул Золотарев. – Максим Александрович, ваша очередь. Надеюсь, ваше опоздание оправдано чем-то действительно выдающимся.

Макс встал. Он не пошел к трибуне. Он просто подошел к окну, за которым раскинулась панорама города.

– Аркадий Петрович, я не буду показывать вам красивые картинки садов на балконах, – начал он, и в его голосе зазвучал металл. – Мы все понимаем, что в наших широтах эти сады превратятся в замерзшие веники через четыре месяца. Я пришел предложить вам не мечту, а реальность.

Он открыл свой ноутбук, и на экране появилось изображение, которое заставило Лизу вздрогнуть. Это был проект «Монолит». Жесткий, маскулинный, агрессивный. Огромная башня из темного стекла и стали, напоминающая клинок, вонзающийся в небо.

– Мой проект – это синергия бизнеса и технологий, – продолжал Макс, чеканя каждое слово. – Мы заключили эксклюзивное соглашение с «ТехноГлобал». Этот комплекс бу-

дет полностью управляться нейросетью. Каждое рабочее место, каждая квартира – это часть единого цифрового организма. Мы экономим не на сборе дождевой воды, мы экономим время. А время, как вы знаете, единственный ресурс, который нельзя купить.

Он говорил о прибыли, о сроках окупаемости, о логистических узлах. Он давил фактами, цифрами и своей непоколебимой уверенностью. Он не просил одобрения – он диктовал условия.

Лиза слушала его, и внутри нее закипала ярость. Это было подло. Он превращал ее мечту в нечто несерьезное, в детскую поделку. Он играл на поле чистого прагматизма, зная, что Золотарев, при всей своей эксцентричности, в первую очередь был бизнесменом.

– Более того, – Макс сделал паузу, обводя взглядом комиссию. – Мэрия уже дала предварительное согласие на расширение транспортной развязки под этот проект. У нас есть все необходимые разрешения. Мы готовы начать стройку завтра.

По залу пронесся гул. Это был сокрушительный удар. Связи Крылова, его умение «продавить» нужные решения в кабинетах власти были общеизвестны, но сейчас он продемонстрировал это максимально наглядно.

– Что ж, – Золотарев поднялся с места. Его лицо не выражало никаких эмоций. – Прошу комиссию удалиться для принятия решения. Елизавета, Максим, подождите в приемной.

Эти полчаса в приемной показались Лизе вечностью. Она сидела в глубоком кожаном кресле, глядя в одну точку. Макс стоял у окна, разговаривая по телефону. Он вел себя так, будто победа уже у него в кармане. Его голос был спокойным, уверенным, он даже пару раз негромко рассмеялся в трубку.

Лиза чувствовала, как внутри нее все сжимается от боли и разочарования. Она вложила в «Орион» всю душу. Она жила этим проектом последние полгода. Неужели эти холодные стальные стены Крылова победят ее живой, дышащий мир?

Наконец, их пригласили обратно.

Золотарев стоял у стола, сложив руки на груди. Члены комиссии выглядели притихшими.

– Мы долго совещались, – начал Аркадий Петрович. – Оба проекта великолепны. Елизавета, ваш проект – это поэзия в бетоне. Максим, ваш – это гимн эффективности.

Лиза затаила дыхание. Она видела, как Макс слегка выпрямился, готовый принять поздравления.

– Однако, – продолжал миллиардер, и его глаза блеснули недобрым огнем. – Я не могу выбрать ни один из них.

В зале воцарилась гробовая тишина. Лиза почувствовала, как земля уходит из-под ног. Макс замер, его лицо на мгновение утратило маску самоуверенности.

– Простите, Аркадий Петрович, что это значит? – медленно произнес Макс.

– Это значит, что проекту Лизы не хватает вашей зубастости и технических ресурсов, – отрезал Золотарев. – А ва-

шему проекту, Максим, не хватает души и того самого человеческого фактора, который Лиза прописала просто гениально. Ваш «Монолит» – это красивая тюрьма, а «Орион» – прекрасная, но хрупкая утопия.

Золотарев подошел к ним вплотную. От него пахло дорогим табаком и какой-то странной уверенностью.

– Победителем тендера объявляется компания «Крылов Групп», – произнес он.

Лиза почувствовала, как в глазах потемнело. Всё. Конец. Она проиграла. Она хотела встать и выйти, чтобы никто не видел ее слез, но слова Золотарева заставили ее замереть.

– Но! – миллиардер поднял палец. – С одним условием. Максим, вы строите этот объект. Но строите его по концепции Лизы. Она назначается главным архитектором проекта с правом вето на любые архитектурные решения. Вы будете работать вместе. Как единое целое.

–Что?! – одновременно воскликнули Лиза и Макс.

– Вы не ослышались, – усмехнулся Золотарев. – Мой контракт получит тандем. Хирургическая точность Крылова и художественное видение Громовой.

– Это невозможно! – Лиза вскочила с места. Ее трясло от ярости. – Я не буду работать с ним! Он уничтожит проект, он превратит его в очередной торговый центр!

– А я не собираюсь нянчиться с амбициозной девчонкой, которая витает в облаках! – парировал Макс, его глаза потемнели от гнева. – Аркадий Петрович, это абсурд. У нас

разные подходы, разные команды...

– Тише, тише, – Золотарев мягко улыбнулся, но в этой улыбке было что-то пугающее. – Вы, кажется, забыли, с кем разговариваете. Я не предлагаю вам сделку. Я диктую условия. Либо вы работаете вместе, либо я отдаю контракт немцам. У них нет души и мало технологий, зато они дисциплинированы. Даю вам пять минут, чтобы договориться. Или разойтись навсегда.

Золотарев вышел из зала, уводя за собой комиссию.

Лиза и Макс остались одни. Тишина в зале была такой густой, что ее можно было резать ножом. Лиза стояла, вцепившись пальцами в край стола. Она чувствовала, как по ее щеке ползет предательская слеза, и быстро смахнула ее.

– Ну что, Громова? – голос Макса звучал глухо. Он подошел к ней почти вплотную. – Поздравляю с победой. Кажется, ты получила то, что хотела.

– Я не этого хотела, – прошипела она, поворачиваясь к нему. Ее глаза полыхали огнем. – Я хотела выиграть честно. А не стать придатком к твоим связям и деньгам.

– Честно? – он горько усмехнулся. – В этом мире нет ничего честного, Лиза. Есть только результат. И сейчас результат таков, что мы либо станем партнерами, либо оба пойдем ко дну. Твой «Орион» без моих ресурсов никогда не будет построен. Ты это понимаешь?

– А ты понимаешь, что без меня твой «Монолит» – это просто груда мертвого стекла?

Они стояли друг против друга, как два бойца на ринге. Напряжение между ними было почти осязаемым, оно вибрировало в воздухе, напоминая о той ночи, которую они оба пытались забыть. Но теперь к сексуальному притяжению добавилась чистая, незамутненная ненависть.

– Месяц, – вдруг сказал Макс. – Золотарев хочет, чтобы мы подготовили финальный проект за месяц.

– Я знаю.

– Мы убьем друг друга через неделю, – констатировал он, глядя ей прямо в глаза.

– Раньше, – ответила Лиза. – Я убью тебя, как только ты попытаешься заменить мои сады на парковку.

Макс вдруг протянул руку и коснулся пряди ее волос. Лиза отпрянула, как от удара.

– Не трогай меня.

– У тебя тушь потекла, – спокойно сказал он, убирая руку в карман. – Решай, Лиза. Либо мы делаем это вместе, либо я сейчас выхожу и говорю Золотареву, что сделки не будет.

Лиза посмотрела на свой макет, стоящий на столе. «Орион». Ее мечта. Ее будущее. Если она сейчас откажется, он никогда не увидит света. Она не могла этого допустить. Даже если ценой будет месяц в аду рядом с этим человеком.

– Ладно, – выдохнула она, чувствуя, как внутри все замирает. – Я согласна. Но только на моих условиях.

– Посмотрим, чьи условия окажутся крепче, – усмехнулся Макс.

В этот момент дверь открылась, и вошел помощник Золотарева.

– Аркадий Петрович ждет вашего ответа. И у него есть еще одно маленькое уточнение к контракту. Касающееся места вашей работы на этот месяц.

Лиза почувствовала, как по спине пробежал холодок. Она еще не знала, что «маленькое уточнение» Золотарева станет для нее настоящим испытанием на прочность. Испытанием, в котором ей придется сражаться не только с Максом, но и с самой собой.

Она посмотрела на Макса, и в его глазах прочитала то же самое предчувствие беды. Они были связаны. Теперь уже официально. И этот узел обещал затянуться на их шеях гораздо туже, чем они могли себе представить.

Глава 3

Лиза сидела на полу в своей студии, окруженная рулонами ватмана и открытыми коробками с макетами. Свет из окна падал под косым углом, выхватывая пылинки, танцующие в воздухе. После тендера прошло всего три часа, но ей казалось, что целая вечность. Ощущение было странным: технически она не проиграла, но вкус этой «победы» напоминал дешевое вино с привкусом уксуса.

Она будет работать с Крыловым. С человеком, который год назад разбил ее веру в то, что можно быть одновременно блестящим профессионалом и порядочным мужчиной.

– Идиотка, – прошептала она, запуская пальцы в растрепанные волосы. – Просто идиотка.

Телефон, брошенный на стопку старых журналов «Architectural Digest», вдруг ожил, завибрировав так сильно, что едва не свалился на пол. На экране высветился незнакомый номер. Лиза помедлила, прежде чем ответить.

– Слушаю.

– Елизавета Дмитриевна, надеюсь, вы уже успели выпить бокал шампанского за наше сотрудничество? – Голос Золотарева был бодрым, почти насмешливым.

Лиза выпрямилась, непроизвольно принимая «деловую» позу, даже несмотря на то, что ее никто не видел.

– Аркадий Петрович? Если честно, я пока только пытаюсь

осознать масштаб... перемен.

– Перемены – это всегда к лучшему. Но я звоню не за тем, чтобы слушать ваши сомнения. Через сорок минут за вами приедет машина. Мой водитель отвезет вас в одно место. Нам нужно обсудить детали контракта, которые я не хотел озвучивать при комиссии.

– Но я...

– Сорок минут, Лиза. Не опаздывайте. Это вредно для архитектуры.

В трубке раздались гудки. Лиза вскочила на ноги, судорожно соображая, что надеть. Золотарев не из тех, кому говорят «нет», но этот его тон «доброго диктатора» начинал ее пугать.

Черный «Мерседес» привез ее не в офис и даже не в ресторан, а к частному причалу на набережной. Там, покачиваясь на темной воде, их ждал катер. Через полчаса Лиза уже стояла на пороге особняка Золотарева в Серебряном Бору. Это был шедевр минимализма: стекло, бетон и вековые сосны, прорастающие прямо сквозь террасы.

В просторной гостиной, где пахло дорогим деревом и свежесваренным кофе, уже сидел Максим. Он выглядел раздраженным. Пиджак был брошен на спинку кресла, рукава рубашки закатаны до локтей, а в руке он вертел тяжелый хрустальный стакан.

– О, а вот и вторая половина нашего «великого тандема»,

– язвительно бросил он, даже не обернувшись.

Лиза проигнорировала его выпад, глядя на Золотарева, который стоял у камина и рассматривал какую-то картину.

– Итак, вы оба здесь, – Аркадий Петрович обернулся. Его лицо светилось предвкушением. – Присаживайтесь. У меня есть условие, которое не подлежит обсуждению. Вы знаете, что я перфекционист. И я знаю, что вы – два барана, которые при первой же возможности начнут перетягивать одеяло на себя.

– Мы профессионалы, Аркадий Петрович, – холодно заметила Лиза.

– Вы – пороховая бочка, деточка, – отрезал миллиардер. – Я видел, как вы смотрели друг на друга в зале. Там искры летели такие, что можно было осветить весь Сити. Поэтому мой план прост. Завтра вы оба отправляетесь в мой загородный дом в Тверской области. Это закрытая территория. Лес, озеро и полная тишина. Там созданы все условия для работы: мощные серверы, широкоформатные плоттеры, тишина и повар, который будет вас кормить.

Лиза почувствовала, как по спине пробежал холодок.

– И сколько мы там пробудем? – спросил Макс, прищурившись.

– Ровно месяц. Без права выезда. Без гостей. Без бесконечных совещаний с вашими офисами. Я хочу, чтобы вы создали финальный проект, в котором не будет швов между «Орионом» и «Монолитом». Я хочу синергию, черт возьми!

Если через тридцать дней вы не выйдете оттуда с готовым чертежом, который устроит меня на сто процентов – контракт будет аннулирован. Оба проекта пойдут в корзину, а ваши репутации... ну, вы сами понимаете.

В комнате повисла тяжелая тишина. Лиза слышала, как бьется ее сердце – часто и гулко. Месяц. Вдвоем. В лесу. С человеком, которого она ненавидела и желала одновременно. Это было безумие.

– Это незаконно, – наконец выдавила она. – Вы не можете удерживать нас силой.

Золотарев рассмеялся – сухо и коротко.

– Лиза, я никого не держу силой. Вы можете отказаться прямо сейчас. Дверь там же, где вы вошли. Но тогда забудьте об «Орионе». Вы никогда не построите ничего подобного в этой стране. Я перекрою вам кислород во всех фондах.

Она посмотрела на Макса. Тот сидел неподвижно, его челюсти были плотно сжаты. Он понимал, что это не блеф. Золотарев мог разрушить любую карьеру одним телефонным звонком.

– Месяц в изоляции с ней? – Макс кивнул в сторону Лизы. – Вы издеваетесь? Мы поубиваем друг друга через три дня.

– Значит, проект достанется более стрессоустойчивым, – пожал плечами Аркадий. – Решайте. У вас есть минута.

Лиза чувствовала, как паника подкатывает к горлу. Она представила этот месяц: завтраки напротив Макса, бесконечные споры над чертежами, его запах, его голос, который

будет преследовать ее в пустых коридорах дома. Это была ловушка. Идеально сконструированная золотая клетка.

Но потом она вспомнила свой проект. Свои «парящие сады». Она видела их так ясно, словно они уже были построены. Если она откажется, мечта умрет. Она станет посредственным архитектором, рисующим типовые торговые центры.

– Я согласна, – голос Лизы прозвучал на удивление твердо, хотя внутри всё дрожало.

Макс медленно поднял на нее взгляд. В его глазах читалась целая гамма чувств: от злости до странного, пугающего любопытства.

– Крылов? – Золотарев вопросительно поднял бровь.

Макс допил остатки жидкости в стакане и с грохотом поставил его на стол.

– У меня нет выбора. Если эта девица не будет падать в обморок от каждого моего замечания к ее утопическим фантазиям – я в деле.

– Чудесно! – Золотарев потер руки. – Машины заберут вас завтра в девять утра. Возьмите с собой только самое необходимое. И, Максим... никакой охраны и секретарей. Только вы и Лиза. Учитесь договариваться.

Когда Лиза вышла из особняка, на улице уже стемнело. Прохладный воздух немного привел ее в чувство. Она шла к воротам, когда за спиной раздались быстрые шаги.

– Громова, стой! – Макс схватил ее за локоть и развернул к себе.

Его прикосновение обожгло кожу даже через ткань пиджака. Лиза резко вырвала руку.

– Не смей меня трогать, Крылов.

– Посмотри на меня, – он навис над ней, заставляя поднять голову. В свете фонарей его лицо казалось высеченным из камня. – Ты хоть понимаешь, во что мы ввязались? Это не тендер, это психологический эксперимент. Золотарев старик со странностями, и он решил поиграть в бога.

– Я понимаю только одно: это мой проект. И я не позволю тебе превратить его в очередное бетонное убожество, даже если мне придется прожить этот месяц в одном доме с тобой.

Макс горько усмехнулся, сделав шаг назад.

– Твой проект? Очнись, Лиза. Теперь это наш проект. И если ты думаешь, что я буду играть по твоим правилам только потому, что у нас... – он осекся, и его взгляд на мгновение смягчился, – ...потому что мы знакомы чуть ближе, чем остальные конкуренты, ты ошибаешься.

– То, что было год назад, – это ошибка. Несчастный случай. Галлюцинация. Забудь об этом, – отчеканила Лиза, чувствуя, как предательски дрожит голос.

– Забыть? – Макс подошел ближе, так что она почувствовала тепло его тела. – Знаешь, что меня больше всего бесит, Лиза? То, что ты врешь. Самой себе. Ты сбежала тогда на рассвете не потому, что это было «ошибкой». А потому, что

испугалась.

– Я испугалась твоей самоуверенности и цинизма, Максим. И я была права. Ты только что доказал это на тендере, пытаясь раздавить мою работу своими связями.

– Это бизнес. Добро пожаловать в реальный мир.

– В моем реальном мире люди умеют созидать, а не только покупать, – она развернулась и пошла к своей машине, не оглядываясь.

Максим Крылов стоял на набережной и смотрел вслед уезжающему такси. Его руки все еще сжимались в кулаки.

Он ненавидел проигрывать, но еще больше он ненавидел чувствовать себя марионеткой. Золотарев обставил их обоих. Максим прекрасно понимал, зачем старик запер их в лесу. Ему нужен был конфликт, из которого родится нечто новое. Или он просто хотел посмотреть на гладиаторские бои в интерьерах люкс-класса.

Максим сел в свой «Майбах» и ударил ладонью по рулю.

– Черт!

Внутри него боролись два чувства. Первое – ярость из-за того, что его рабочий график разрушен, а дела фирмы придется вести удаленно через доверенных лиц. Второе – странное, тягучее предвкушение, которое он боялся признать даже перед самим собой.

Лиза Громова была единственной женщиной, которая за последние годы заставила его сомневаться в собственной

правоте. Та ночь в Сочи... он действительно помнил ее до мельчайших подробностей. Помнил, как она спорила с ним о Захе Хадид, как смеялась, откинув голову назад, и как замирала под его руками. Он не привык, чтобы женщины уходили первыми. И уж точно не привык, чтобы они оставляли в его душе такой беспорядок.

– Хочешь войны, Лиза? – тихо произнес он, глядя на свое отражение в зеркале заднего вида. – Ты ее получишь. Но к концу этого месяца ты признаешь, что мы созданы для того, чтобы работать вместе. И не только работать.

Он достал телефон и набрал номер своего заместителя.

– Андрей, отменяй все встречи на ближайшие четыре недели. Да, я серьезно. Я уезжаю на объект «Лесное». Вести дела буду через защищенный канал. И найди мне всё, что сможешь, на Елизавету Громову. Все ее проекты, все долги, всех бывших любовников. Я хочу знать, с каким оружием она идет на эту битву.

Макс нажал отбой. Он знал, что этот месяц будет адом. Но он всегда умел извлекать выгоду даже из самого жаркого пламени.

Этой ночью Лиза не спала. Она собирала чемодан, механически складывая вещи: свитера, джинсы, несколько строгих блузок (привычка – вторая натура), ноутбук, графический планшет. Ее движения были резкими.

Она подсознательно понимала, что эта поездка – шанс не

только построить «Орион», но и закрыть ту страницу жизни, которая осталась недописанной год назад. Ей нужно было увидеть Макса Крылова в будничной обстановке, за работой, в его самом неприятном проявлении, чтобы окончательно вытравить из памяти тот образ «идеального мужчины», который она создала в ту единственную ночь.

– Это просто работа, – повторяла она как мантру. – Просто месяц. Просто контракт.

Но когда в девять утра у ее подъезда затормозил черный джип, Лиза поняла, что никакие самовнушения не помогут. Ей предстояло войти в клетку со львом, и у нее не было ничего, кроме карандаша и собственной гордости.

Глава 4

Чемодан, лежащий на полу студии, напоминал открытую пасть зверя, готового поглотить привычную жизнь Лизы. Она замерла над ним, держа в руках стопку кашемировых свитеров. В голове пульсировала одна и та же мысль: «Месяц. Тридцать дней. Семьсот двадцать часов». Это число казалось приговором.

– Так, Громова, прекрати вести себя как жертва перед заклинанием, – строго приказала она себе, запихивая свитеры в отделение для обуви.

Она пыталась подойти к сборам как к инженерной задаче. Минимум эмоций, максимум функциональности. Но руки жили своей жизнью. Она трижды перекладывала набор карандашей разной мягкости и в последний момент сунула в боковой карман флакон духов, которыми пользовалась крайне редко – тяжелый, пряный аромат с нотами сандала и кожи. Почти такой же, как у него. Она тут же выругалась и хотела выкинуть флакон, но рука замерла. Оставить его здесь – значило признать, что она боится воспоминаний. Взять с собой – значило принять вызов.

Лиза застегнула молнию чемодана с таким усилием, будто запечатывала там все свои сомнения.

«Это просто командировка, – убеждала она себя, глядя в зеркало в прихожей. – Ты едешь туда не ради Макса. Ты

едешь за своим «Орионом». Он – всего лишь инструмент, ресурс, капризный генподрядчик. Не более».

Но внутренний голос ехидно напоминал, что этот «ресурс» вчера смотрел на нее так, будто собирался продолжить разговор, прерванный год назад, прямо на ковре в офисе Золотарева.

Дорога до Тверской области заняла почти четыре часа. Пейзаж за окном джипа сменился с суетливого подмосковного хаоса на густые, почти первобытные леса. Когда машина свернула с шоссе на узкую бетонку, скрытую среди вековых сосен, Лиза почувствовала, как реальный мир окончательно отступает.

Дом Золотарева возник внезапно. Он не был похож на загородную усадьбу в привычном понимании. Это было сооружение из грубого бетона, темного дерева и огромных плоскостей зеркального стекла, которые отражали лес, делая здание почти невидимым среди деревьев.

– Объект «Отражение», – пробормотала Лиза, узнавая почерк одного известного швейцарского бюро. – Аркадий Петрович, вы верны себе.

Как только она вышла из машины, тишина обрушилась на нее, прерываемая лишь шумом ветра в кронах деревьев. Но тишина длилась недолго. Со стороны террасы донесся звук, который она узнала бы из тысячи, – негромкое, но властное постукивание пальцев по металлической поверхности.

Макс уже был там. Он сидел в широком кресле на террасе, закинув ногу на ногу. Перед ним на низком столике стоял ноутбук, а рядом – неизменная чашка кофе. На нем были темно-синие джинсы и серый джемпер с закатанными рукавами. В этом домашнем, расслабленном виде он казался еще опаснее, чем в костюме-тройке.

– Опаздываешь, Громова, – не отрываясь от экрана, произнес он. – Я здесь уже сорок минут. Успел проверить связь и понять, что кофемашина тут настроена на среднюю обжарку. Это будет долгий месяц.

– Машина приехала вовремя, – Лиза вздернула подбородок, стараясь не смотреть на его обнаженные предплечья. – А привычка приходить раньше – явный признак повышенной тревожности, Максим.

Он наконец поднял на нее взгляд. Серые глаза сузились, в них промелькнула искра азарта.

– Или признак того, что я люблю контролировать территорию до того, как на ней появится противник. Проходи, не стой в дверях. Нам еще вещи разбирать. И, предупреждаю сразу: я занял комнату с видом на озеро.

– Даже не сомневалась в твоём эгоизме, – Лиза прошла мимо него, намеренно задев его кресло своим чемоданом.

Внутри дом оказался еще более странным, чем снаружи. Интерьер сочетал в себе роскошь и какой-то почти пугающий аскетизм. В центре огромной гостиной находился открытый очаг, над которым свисала футуристическая вытяж-

ка. Но самое поразительное было в планировке: стены здесь были скорее условностью. Стеклянные перегородки, уровни, переходящие друг в друга с помощью лестниц без перил.

– Это не дом, это лабиринт для лабораторных мышей, – Лиза огляделась.

– И мы в нем главные подопытные, – раздался голос Золотарева.

Миллиардер появился словно из ниоткуда. Сегодня он был в льняном костюме песочного цвета и в шлепанцах на босу ногу. В руках он держал связку ключей и какой-то планшет.

– Добро пожаловать в «Отражение», дети мои, – он широко улыбнулся. – Максим, вижу, ты уже освоился. Лиза, не пугайся. Этот дом спроектирован так, чтобы здесь невозможно было спрятаться от мыслей. И друг от друга.

– Аркадий Петрович, – Лиза обернулась к нему. – Я все еще считаю, что эта изоляция излишня. Мы могли бы работать в Москве.

– В Москве вы бы разбежались по своим норам после первого же спора о цвете плитки в санузлах, – отрезал Золотарев. – А здесь у вас нет выбора. Пойдемте, я покажу вам ваше поле битвы.

Он повел их на второй уровень. Огромный зал, залитый светом, был оборудован по последнему слову техники. Два мощных рабочих места с огромными мониторами стояли друг напротив друга – так, что работающие за ними люди

неизбежно встречались взглядами. Вдоль стен тянулись полки с образцами материалов: от редких пород мрамора до сверхпрочных полимеров.

– Ваша общая рабочая зона, – торжественно объявил Золотарев. – Здесь вы будете проводить минимум двенадцать часов в день. Я буду получать отчеты о прогрессе каждые три дня. Если я увижу, что вы буксуете – пеняйте на себя.

Затем он провел их по остальным помещениям. Дом был полон эксцентричных деталей: ванная комната с прозрачным потолком, библиотека, где полки уходили в пол, и кухня, больше похожая на лабораторию алхимика.

– А теперь правила, – Золотарев остановился в центре гостиной, и его лицо стало серьезным. – Первое: никакой личной связи с внешним миром. Ваши телефоны я забираю прямо сейчас. Для экстренных случаев есть стационарный аппарат в моем кабинете. Второе: покидать территорию участка запрещено. Периметр под охраной. Третье: повар приходит трижды в день, оставляет еду и уходит. Он немой, так что жаловаться ему на жизнь бесполезно.

– Вы серьезно насчет телефонов? – Макс сделал шаг вперед, его лицо потемнело. – У меня бизнес, Аркадий!

– У тебя есть замы, Максим. И у тебя есть месяц, чтобы понять, что «Крылов Групп» может прожить без твоего микроменеджмента, а вот твой проект без твоего внимания – нет. Телефоны, господи. Прошу.

Золотарев протянул серебряный поднос. Лиза, помедлив,

положила на него свой смартфон. Макс стоял несколько секунд неподвижно, его челюсти ходили ходуном от сдерживаемого гнева. Наконец, он с силой бросил свой аппарат на поднос.

– Отлично, – кивнул миллиардер. – Машина ждет меня. Лиза, Максим – проект «Орион-Монолит» должен стать легендой. Или вашим общим фиаско. Увидимся через месяц. Или раньше, если вы сдадитесь. Но помните: сдаться – значит потерять всё.

Когда дверь за Золотаревым закрылась и звук его машины затих вдаль, в доме воцарилась оглушительная тишина.

Лиза стояла у панорамного окна, глядя на темные воды озера. Она кожей чувствовала, что Макс стоит позади.

– Ну что, Громова? – его голос прозвучал совсем рядом. – Поздравляю. Мы официально в тюрьме.

– Это не тюрьма, – не оборачиваясь, ответила она. – Это возможность.

– Возможность для чего? Для того, чтобы ты окончательно свела меня с ума своими нравоучениями о «душе в бетоне»? – он подошел еще ближе. Теперь она чувствовала его запах – цитрус и едва уловимый аромат табака. – Или возможность для тебя признаться, что ты согласилась на это только ради того, чтобы еще раз оказаться со мной в одной спальне?

Лиза резко развернулась. Ее лицо было в нескольких сантиметрах от его.

– Ты слишком много о себе мнишь, Крылов. Моя спаль-

ня находится в другом крыле этого дома. И я советую тебе не пересекать границу без приглашения. А приглашения не будет. Никогда.

Макс усмехнулся, медленно оглядывая ее сверху вниз. Его взгляд задержался на ее губах, и Лиза почувствовала, как предательская дрожь пробежала по телу.

– В этом доме слишком много стекла, Лиза, – тихо сказал он. – Здесь нет границ. Только преломления. И я обещаю тебе: к концу этой недели ты сама придешь ко мне. С чертежами или без них.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.